

*Эдди «Золотко» Гэйнор
1925—2011
Это — для тебя*

Лечебница
Роршаха

Глава 1

КРУГЛОСУТОЧНАЯ АВТОСТАНЦИЯ НА РАЙСКОЙ УЛИЦЕ

Город Пелиган насквозь промок и приуныл. Окутавшие его тёмные тучи отбрасывали длинные сумрачные тени. Разве что городской центр казался повеселее — там сияли огни казино и вспыхивали рекламные щиты. А на задворках этого пасмурно-искристого великолепия стоял туман — это валил пар от сточных канав. Здесь не гудели автомобили, не голосили игральные автоматы, и единственным звуком был шум дождя. Да ещё шлёпанье по мокрому тротуару бегущих ног.

Лил Поткин стремглав неслась по улице, и её тень то съёживалась, то вытягивалась, ныряя в жёлтые лужицы света под уличными фонарями. Запы-

хавшаяся Лил выскочила на Райскую улицу. И что же она увидела? Как её двухэтажный автобус, выпустив облако чёрного дыма, грузно отвалил от остановки. А когда автобус проезжал мимо неё, заднее колесо угодило в рытвину. В результате Лил получила мокрую плюху прямо в лицо.

— Эй! — возмущённо булькнула она вслед угасающим вдалеке задним фарам.

Лил ужасно хотелось сказануть что-нибудь этакое, но ничего не приходило в голову. Наверное, потому, что по носу у неё стекала густая грязь. Да и всё равно Лил бы никто не услышал.

Она глянула на часы и неохотно поплелась в здание автостанции. Сейчас только 20.35. Ей предстоит убить целых полчаса. И, кажется, убивать их больше негде.

За автоматическими дверями ослепительно сверкали флуоресцентные лампы. В зале ожидания стояли ряды облезлых белых столиков с пластиковыми стульями — вся мебель была предусмотрительно прикручена к полу. Из динамиков, приткнувшихся где-то на верхотуре, звучала музыка: пожалуй, чуть громче, чем надо, но саму песню было не разобрать — и на том спасибо. Зато здесь было теплее, чем снаружи, и сухо.

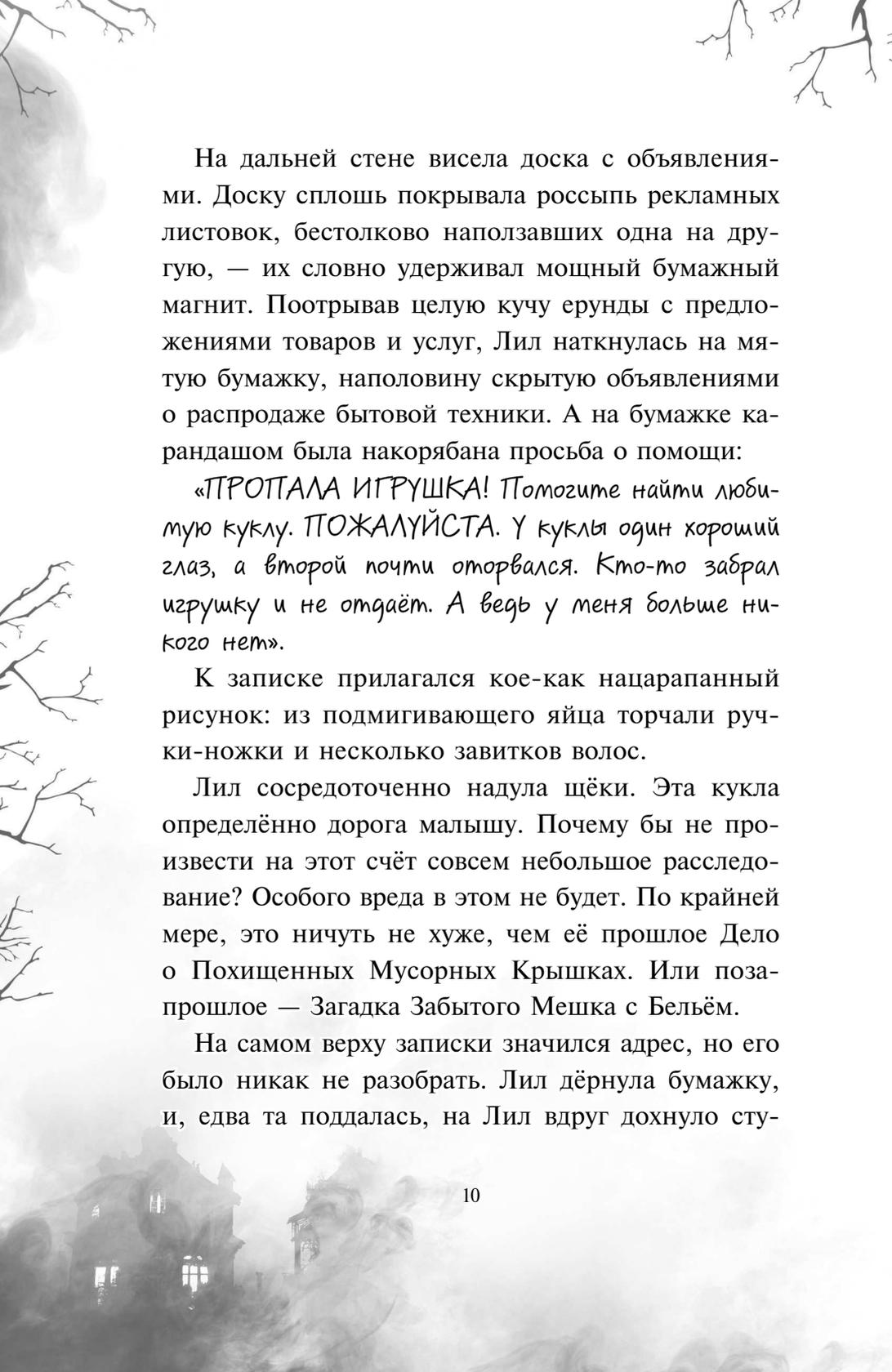
Кстати, надо пояснить, что Лил — это художавая особа двенадцати лет, чрезвычайно целеустремлённая. И немножко лопухая — уши у неё

торчат, как ручки у сахарницы. У Лил стрижка каре и короткая чёлка. Одета она в неизменный жёлтый плащ. За плечами у неё небольшой рюкзачок, а в нём — замусоленная книжка, блокнот и кучка изгрызенных карандашей.

Благоразумные обыватели избегают центральных улиц с наступлением сумерек. Но Лил не из таких. Она уже давно бродит по городу в поисках историй, суёт свой нос куда ни попадя и ждёт не дожждётся, когда же на неё обрушится подходящая сенсация. Подходящая — то есть достойная подпольной газеты «Клаксон». Потому что Лил очень хочется писать для «Клаксона». Но пока что все сенсации оказывались какими-то неподходящими. Их и было-то всего две, и оба раза ничего не вышло. Но Лил не отчаивалась. Главное — продолжать искать. Как говаривал А. Дж. Макнейр, великий специалист в области журналистских расследований и её кумир: «Новости есть везде, нужно лишь до них докопаться». Поэтому Лил без устали докапывалась.

Народу в зале ожидания оказалось совсем немного: двое небритых работников ночной смены, попивающие чай, уборщики в рабочих комбинезонах — наверное, сейчас поедут трудиться на какую-нибудь фабрику или в бизнес-центр, — и ещё большое семейство с чемоданами: судя по их виду, они собрались ночевать на автостанции.

На дальней стене висела доска с объявлениями. Доску сплошь покрывала россыпь рекламных листовок, бестолково напозавших одна на другую, — их словно удерживал мощный бумажный магнит. Поотрывав целую кучу ерунды с предложениями товаров и услуг, Лил наткнулась на мятую бумажку, наполовину скрытую объявлениями о распродаже бытовой техники. А на бумажке карандашом была накорябана просьба о помощи:

«ТРОТАЛА ИГРУШКА! Помогите найти любимую куклу. ПОЖАЛУЙСТА. У куклы один хороший глаз, а второй почти оторвался. Кто-то забрал игрушку и не отдаёт. А ведь у меня больше никого нет».

К записке прилагался кое-как нацарапанный рисунок: из подмигивающего яйца торчали ручки-ножки и несколько завитков волос.

Лил сосредоточенно надула щёки. Эта кукла определённо дорога малышу. Почему бы не произвести на этот счёт совсем небольшое расследование? Особого вреда в этом не будет. По крайней мере, это ничуть не хуже, чем её прошлое Дело о Похищенных Мусорных Крышках. Или позапрошрое — Загадка Забытого Мешка с Бельём.

На самом верху записки значился адрес, но его было никак не разобрать. Лил дёрнула бумажку, и, едва та поддалась, на Лил вдруг дохнуло сту-

жей — точно повеяло сквозняком из жуткого погреба с тёмной лестницей. Краем глаза Лил заметила мелькнувшую тень. Она быстро обернулась, но вокруг никого не оказалось.

Все, кто был в зале ожидания, сидели на своих местах. И к прежней компании никого не прибавилось. Хотя нет, одно новое лицо появилось! И это новое лицо в упор смотрело на Лил. У окна, в нескольких столиках от неё, расположился мальчик. Очень-очень бледный, с почти белым лицом. Из закатанных рукавов толстовки торчали тощие запястья.

Лил почувствовала, как у неё краснеют уши. Она отвела взгляд и сделала вид, что просто так gazeет по сторонам, а мальчика даже и не замечает. В Пелигане не принято смотреть друг на друга. Здешние жители не любят поднимать глаза: а то ещё увидишь что-то такое, от чего потом не отвяжешься. Сама Лил в этом смысле не как все. Но ей не очень-то приятно, когда на неё вот так таращатся.

Лил непринуждённо прошествовала к пустому столику и уселась. Мокрые джинсы тут же противно облепили ноги, но это пустяки, Лил решила быть выше этого. Она достала из рюкзака свой репортёрский блокнот, выудила из его спиральки карандаш и профессиональным жестом откинула страницу.

Бумажку Лил держала перед собой, прижав её к обложке: будто бы переписывает что-то с объяв-

ления. А на самом деле она прикрывалась блокнотом. Мальчик всё так же не сводил с неё глаз. Лил заправила волосы за уши. Потом вытащила обратно. Да чего он так пялится?! Надо сделать равнодушный вид. Задумчиво грызя кончик карандаша, Лил изобразила на чистой странице знак вопроса. Обвела его в кружок. Потом раскрасила.

Наконец любопытство взяло верх. Лил слегка опустила обложку с запиской.

Мальчик больше не таратился. Перед ним лежала газета, и он увлечённо склонился над заметкой на первой полосе. Растрёпанная светлая чёлка неряшливо упала ему на лоб. Какой-то дядька в спецовке, качнувшись, уселся напротив мальчика и забрал газету. Мальчик поднял глаза, но промолчал. Дядька послюнил палец, раскрыл газету и встряхнул её. Через минуту Лил заметила, что дядька вроде бы продрог и зябко поднял воротник. Недовольно повертев головой, он встал, уронив газету, и пересел за другой столик. А мальчик смотрел ему вслед.

Лампа у него над головой затрещала и замигала.

Лил ещё чуть-чуть опустила обложку. Она заметила, что кроссовки у мальчика поношенные, а края джинсов совсем истрепались. «Наверное, нехорошо притворяться, что я его не вижу, — решила она. — Вон там кофейный автомат. Возьму себе что-нибудь попить и ему заодно».

Стоя у автомата и изучая список напитков, Лил с деланой небрежностью подкидывала монету. Искоса она видела, что мальчик снова уставился на неё. «Наверняка удивляется, какая я знатная кидальщица монет», — самодовольно подумала она. И тут же уронила монетку — а та укатилась к мальчику под стол.

— Ну и ну, — пробурчала она себе под нос. И прибавила уже погромче: — Извини. Я под твой столик денежку уронила.

Мальчика, похоже, это озадачило. Он недоумённо захлопал на Лил ресницами.

Лил посмотрела на монету. Потом на мальчика.

— Да вон же она. — Лил ткнула в монету пальцем. — Ты не мог бы нагнуться и достать её?

Мальчик шумно сглотнул комок в горле.

— Трудно, что ли, мне монету дать? — нахмурилась Лил. — Ладно, если тебе так надо, бери её себе. А тебе оно, кажется, и правда надо. — Мальчик всё так же молча тарачил на неё тёмные глаза. — Ты что, язык проглотил?

Он помотал головой, опять сглотнул и прохрипел:

— Извини.

И голос у него был такой, словно пользовался им мальчик не часто.

Лил пожала плечами:

— Да всё нормально. Мне вот, например, то и дело говорят, что я, наоборот, слишком много болтаю.

Мальчик несмело улыбнулся. Лил заправила волосы за уши, вытащила обратно и вернулась к автомату.

И пока шоколад тоненькой струйкой сбегал в бумажные стаканчики, её вдруг окутало прямо-таки ледяным порывом. Аж мороз пробрал до костей. Лил глянула через плечо: кто-то торчал возле автоматических дверей и они теперь стояли нараспашку.

Она принесла оба стаканчика к столику, где сидел мальчик, и поставила один перед ним.

— Это мне? — недоверчиво спросил мальчик.

— Ты же замёрз.

— Ага.

У него были тёмные-тёмные глаза, почти чёрные. Мальчик впился в стаканчик взглядом и нахмурился, словно очень старался сосредоточиться. Когда он потянулся за шоколадом, Лил заметила у него на руке глубокий порез. Она засмотрелась на порез, когда передавала шоколад, и вдруг у неё на руке выступили мурашки. От неожиданности Лил слишком быстро выпустила стаканчик, он выскользнул у неё из рук и шлёпнулся на пол. По полу растеклась коричневатая лужица.

— Ой, я думала, ты уже держишь, — сказала Лил. — Я нечаянно.

А мальчик, похоже, насмерть перепугался. Он сидел неподвижно, в ужасе уставившись на шоколадную лужицу.

— Это не конец света, — заверила Лил. Она подпихнула ногой валяющуюся рядом газету и растёрла ею пролитый шоколад. — Вот, бери мой. — И протянула ему свой стаканчик.

Но мальчик покачал головой.

— Да бери же, правда, — настаивала Лил.

— Нет! — выкрикнул он и пояснил уже потише: — То есть всё нормально. Я не хочу.

— Точно? Этот шоколад не такая уж бурда.

Но мальчик печально кивнул:

— Точно.

Длинные лампы затрещали и погасли.

Нет, Лил в жизни не боялась темноты. Но сейчас темнота получилась очень уж внезапная, и поэтому сердце у неё заколотилось. Спустя секунду включилось аварийное освещение, и зал ожидания залило тусклым зеленоватым светом. Мальчик всё сидел и сидел. Выглядел он несчастным. «Наверное, ему идти некуда», — мысленно пожалела его Лил. Она запустила руку в карман и нашарила там мелочь. Надо отсчитать себе на автобус, а остальное отдать мальчику. Рука у неё дрожала от холо-

